

№ 21
(4669)
8 июня
2023 года

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУКА СОДРУЖЕСТВО ПРОГРЕСС

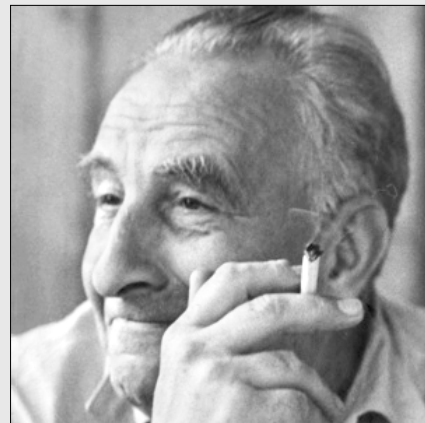
Газета выходит с ноября 1957 года

О «самостояньи человека»

Комментарии к повести Д. А. Гранина «Зубр»

Фонд Д. А. Гранина и Санкт-Петербургское издательство «Росток» уже несколько лет издают собрание сочинений известного советского писателя Д. А. Гранина. Книги писателя не только современны, но и актуальны. «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Зубр» повествуют о жизни ученых и нам особенно интересны. Мы издаем эту книгу в уверенности, что сегодня она по-прежнему актуальна и интересна новому поколению ученых. Со дня выхода книги (1987) прошло без малого сорок лет. Большинству современных читателей трудно себе представить, как воспринималось это произведение в то время. Документальная книга послужила полной реабилитацией ученого и заставила людей вспомнить понятие «самостояньи человека».

Фонд Гранина / Марина Д. Чернышева
Издательство «Росток», Санкт-Петербург

Ученики, коллеги и друзья всегда окружали Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. В годы Великой отечественной войны это были немцы, он работал в научно-исследовательском центре Берлин-Буха. Работа с немцами оставила тень подозрений в измене родине «невозвращенца». Несмотря на запреты, после его смерти (1981) друзья и ученики стали организовывать Чтения памяти ученого (*Ереван, 1983; Черныгов, 1986 и позже*). Повесть Даниила Александровича Гранина «Зубр» (*журнал «Новый мир», 1987, № 1, 2*) впервые документально показала жизнь Тимофеева-Ресовского в Бухе, заполненную научными исследованиями и повседневной помощью беженцам. Личность Н.В. произвела впечатление на всех, большая часть негативного отношения к «невозвращенцу» была снята.

Читатели начали размышлять о том, что означают знакомые слова «патриотизм», «порядочность», «гуманизм». В книге такие вопросы возникают в разных ситуациях, и автор дает возможность читателю самому определять свою позицию. Однако, как замечает автор, личные эмоции часто мешают учесть разные стороны поступков и событий.

Книга показывает разные периоды в жизни научной среды в России и в Германии. Почему так все происходит, чем объясняются перемены? Вряд ли ученые могут изменить жизнь своей среды. Наоборот, среда меняет людей. На фоне меняющейся жизни показан Зубр — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Он не бежит из меняющейся среды, он остается Зубром. Ему часто задавали один и тот же вопрос, почему немцы, и он вместе с ними, терпели репрессии, фашизм? Он только может задать такой же вопрос о репрессиях советским людям. Ответа пока ни у кого нет.

Д. А. Гранин приводит «истории» самого Тимофеева-Ресовского, рассказы знакомых, документы об антифашистском сопротивлении, помощи беженцам в Германии. В спасении и помощи беженцам принимают участие Николай Владимирович, Елена Александровна, старший сын Фома. В настоящее время биография Тимофеева-Ресовского дополнена. Написаны воспоминания, статьи, сняты документальные фильмы. Они показали жестокость жизни и масштаб личности Зубра.

Вклад Тимофеева-Ресовского в науку известен. Теперь его открытия — это азы, которые знают школьники. Цель этих комментариев, следуя книге, — показать меняющуюся жизнь в Германии и Советском Союзе, и на этом фоне редкостное «самостоянье» Зубра, а также восприятие жизни самим писателем.

Двадцатые годы. Начинается рассказ с гражданской войны и послевоенных лет. Тогда Тимофеев-Ресовский был Колюшей, студентом-зоологом Московского университета, а также, временами, участвовал в боях рядовым красноармейцем. Жизнь студентов в эти годы: «то воевали, то философствовали, то добывали себе чего-нибудь пожрать». Колюша становился то добросовестным зоологом, то лихим воякой. Подрабатывал пастухом и грузчиком. Успевал слушать Брюсова и Андрея Белого, лекции Грабаря по истории живописи, пел в хоре. Зимой читал лекции по зоологии.

Учителем Колюши стал Н. К. Кольцов. У Кольцова и его научного руководителя М. А. Менсбира главными в жизни были наука и познание тайн природы. Однако порядочность и честь были даже превыше науки. Кольцовский практикум давал свободу во всем,

каждый, кто хотел, был исследователем. В этой среде возник Дроздоор, — «совместное оранжерея о дрозофиле». В это же время на кольцовском практикуме и в жизни Колюши появилась Елена Александровна Филлер. Это было время усвоения Кольцовской школы.

Колюшу занимало одно — проработать практикумы, которые его интересовали, и прослушать нужные ему курсы. Он не стал сдавать никаких государственных экзаменов. В первой половине двадцатых годов бюрократизма не было. Когда в 1925 году Колюша уезжал в Бух работать, Н. К. Кольцов дал ему рекомендательное письмо. Это заменяло все справки.

Двадцатые годы одновременно закалили и дали вольность. Кольцовская школа приучила к свободному обсуждению идей, экспериментальной работе.

Тридцатые годы. В Бухе Н. В. Тимофеев-Ресовский расширил свои исследования, начал заниматься радиационной генетикой, эволюцией, пригласил физиков Макса Дельбрюка и Карла Юнтера Циммера. К 1935 году цикл исследований с Циммером и Дельбрюком заложил основы современной молекулярной биологии (*Grüne Pamphlet*). Совместно с Циммером был оценен размер гена. Вечерами собирались дома у Тимофеевых-Ресовских. Н.В. вошел в Боровский кружок, был создан Боровский коллоквиум.

Между тем в Германии фашизм становился бытом. Евреи увольнялись и уезжали. Жизнь в Бухе шла замкнуто, сохранялись свой порядок, свои обычаи. Однако непонимание, разделение людей проявлялось все жесточе. Д. А. Гранин написал о Боровском кружке: «То был круг людей, которые когда-то привлекали меня. Они долж-

ны были изменить мир к лучшему... Теперь я смотрел на них без восхищения. Война развела их по разным сторонам фронта. Зубр не избежал общей участи». Но мы же понимаем, что ничто и никто не остановит развитие науки, несмотря на эмоции и запреты. Н.В., несмотря на сужение круга общения, сохранил дружеские связи с физиками и биологами западных стран.

В Советском Союзе в 1929 году разгромили лабораторию С. С. Четверикова. В газетах и журналах печатали разгромные статьи о «морганистах» — известных биологах Ю. А. Филипченко, Г. А. Левитском, Г. Д. Карпеченко. Заставили уйти из университета Кольцова. Кольцов не советовал Н.В. возвращаться в Россию. В 1937 году из Советского Союза уехал Герман Мёллер. В 1940 году был арестован Н. И. Вавилов, затем умер Н. К. Кольцов. Силу набирали Т. Лысенко и И. Презент.

Вторая мировая война. В это время Риббентроп пожимал руку Сталину, Молотов говорил: «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция... стоят за продолжение войны...». Н.В. вызвали в посольство и предложили срочно вернуться на родину. Н.В. отказался. У него оставался советский паспорт, и он отказался от гражданства Германии. Многие стали его осуждать как невозвращенца.

Д. А. Гранин высказал Н.В. свое непонимание его позиции отстранения от происходящего. Ответ Зубра был такой: а вы как все сносили? Почему терпели? Это напоминает разговор и спор на ту же тему Н. В. Тимофеева-Ресовского и М. Е. Лобашева, при котором присутствовал Д. А. Гранин^{1*}.

Н.В. участвовал в секретной акции немецких ученых, он устраивал евреев на работу, помог более ста беженцам устроиться на работу. Другая группа немецких антифашистов помогала бежавшим военнопленным. На Н.В. шли доносы в гестапо. Его не трогали потому, что он к тому времени считался самым известным генетиком. Н.В. рассказал Д. А. Гранину о старшем сыне, Фоме: «Фома был в подпольной группе. Было несколько таких подпольных групп, в основном русских, из эмиграции. Остальные были немцы, сыновья крупных чиновников. Нашелся провокатор в их группе. Тогда арестовали около полусотни молодых людей. Это было в сорок третьем году». Фоме грозила смерть, и Н.В. стал ходить в церковь молиться. Несмотря на страх потерять Фому, он не прекращал помогать беженцам. Елена Александровна доставала документы о расовой полноценности.

Война все больше разъединяла людей, и непонятно было, чем соединить

1* С. Г. Инге-Вечтомов «Ретроспектива генетики». Курс лекций 2020, с. 234.

их. В 1944 году арестовали и расстреляли сына Макса Планка. Буховские ученые спешно уезжали. Бух пустел, а террор усиливался. Гранин пишет, как трудно и даже невозможно понять друг друга людям, находящимся по разные стороны войны. Он сам видел себя «только стреляющим». Н.В. по-прежнему считал, что его дело — не бросать гранаты, не убивать, а спасать людей. Несмотря на разделение, Гранин пишет о братстве ученых: ученые пригласили Тимофеевых-Ресовских в Америку, где работали его друзья Дельбрюк, Гамов, Морган.

Приход в Бух русских военных Риль, Ромпе и другие встретили в подвале дома Тимофеевых. А. П. Завенягин, который курировал проблему радиационной защиты, поручил Тимофееву руководить институтом, пока не решится вопрос об их переезде в Советский Союз. В те дни Н.В. оказался нерукопожатным, как работавший у немцев. Его арестовали и увезли в тюрьму. Завенягин отыскал Тимофеева в Карлаге только в начале 1947 года. Был он в тяжелом состоянии, с последней стадией пеллагры.

Жизнь в Германии и в Советском Союзе обернулась жесткими репрессиями, концлагерями и расстрелами. Не обошли репрессии семью Тимофеевых-Ресовских. Однако Н.В. продолжал исследования и помогал беженцам, сохранил дружеские отношения с западными коллегами.

Пятидесятые. Урал. На Урале, по договоренности с Завенягиным, Н.В. должен был заниматься исследованием влияния радиации на живые организмы. Елена Александровна и Андрей приехали из Буха на Урал. Изучали пути радиоизотопов в растениях, в организмах животных, затем в природных биогеоценозах на биостанции в Миассово. По вечерам сидели у костра, пели песни. Гости приезжали из Москвы, Ленинграда и других городов. В Миассово говорили о запрещенных генетике и кибернетике. В конце пятидесятых годов генетику объявили «лженаукой», порожденной империализмом». В 1956 году Н.В. был приглашен и выступил с докладом у П. Л. Капицы на одном из «капичников». Это восприняли как начало восстановления биологии.

Несмотря на запреты, Н.В. продолжал заниматься наукой, и в Миассово к нему потянулись новые ученики, среди которых были молодые В. И. Корогодин, Г. Г. Поликарпов и другие теперь известные биологи, которые позже выросли учениками в России, Украине, Армении. Ученики учеников приняли порядки научных школ Н.В. генетики, радиобиологии (Москва, Обнинск, Дубна) и морской радиоэкологии (Севастополь, Киев, Украина).

Семидесятые годы. Обнинск. В Обнинске собирались на квартире

Тимофеевых-Ресовских. Н.В. организовал вечерами у себя дома семинары по истории музыки и вообще искусств. Порядок со времен Дроздоора не менялся, в Берлине и на Урале все было так же. Потом семинары прикрыли. Предложили уволить из института руководителя. Уволили.

Прощаясь с друзьями, Н.В. сказал, что жизнь его была счастливой благодаря хорошим людям, окружавшим его и Лельку.

После всех жизненных перипетий Н.В. остался таким же, каким был. Он не боролся за свои убеждения, он просто следовал им в любых условиях. Д. А. Гранин пишет: «Все меняется — трактовка, объяснение, связи, понятия гена, клетки, законов наследственности. Но есть вещи, которые остаются от ушедших ученых. Их нравственные поступки, их нравственные правила, законы их порядочности. Создать школу удастся немногим...»

В 1965 году Зубра наградили Кимберовской медалью «За замечательные работы в области мутации». До этого его наградили медалями: Дарвинской (ГДР), Менделеевской премией (Чехословакия), медалью Лазаро Скаланцани (Италия). Он был действительным членом академии немецкой, почетным членом — американской, Итальянского общества биологов, Менделеевского общества в Швеции, Генетического общества Британии, Научного общества имени Макса Планка в ФРГ.

Д. А. Гранин впервые представил жизнь ученых в Германии, на фоне нарастания тоталитаризма и фашизма, и в Советском Союзе, в период перехода от свободных научных исследований к запрету домашних лекций по искусству. Многогранность ситуаций и разных судеб заставили задуматься о неоднозначности «стандартных» понятий «патриотизм», «гуманизм», и даже «порядочность». Появился лозунг «Наука без границ». Именно книга Даниила Александровича подарила нам образ Зубра, который стал образцом самостоятельного ученого.

К Гранину меня послал познакомиться В. И. Корогодин. При первой встрече Д.А. спросил меня, что такое «самостоянье человека»? Видимо, он был доволен нашим знакомством. Мы с ним общались два-три раза в год, начиная с конца 90-х. Он не навязывал свою точку зрения, оставляя за собой право на ошибку.

Черты некоторых людей передаются другим, не обязательно ученикам. Тимофеев-Ресовский и Гранин были «сеятелями» самостоянья и свободы выбора.

Виктория КОРОГОДИНА

Дополнительные источники о жизни Н. В. Тимофеева-Ресовского опубликованы на сайте еженедельника.